

Вечерний Москва, 1962, 15 мая

ДИО О ВЕЧЕРЕ В ЦГАЛИ

ТАК был назван вечер в Центральном доме литераторов. Действительно, всего, что показывал, о чем рассказывал здесь Ираклий Андроников, многие его товарищи по перу, собравшиеся в зале, до этого вечера не видели и не знали. Многим ли довелось видеть автограф романа Чернышевского «Что делать?» или рукопись русской повести, купленную у парижского букиниста? А кто знал о судьбе автографа, побывавшего во Франции, Испании, Бразилии, Аргентине, Чили и вернувшегося спустя полвека в Москву?

Интересно? Еще был! Но все это меркнет, уходит на второй план, когда знакомишься с первыми устными публикациями отрывков из воспоминаний и писем Гуннина, Собинова, Мейерхольда, Эйзенштейна, Яхонтова, Довженко, Цветаевой, Вишневого, Бабеля, Тынянова, с новыми данными о Чайковском, Станиславском, Блоке...

Может ли журналист позволить себе не поделиться всем этим услышанным и увиденным с читателями! Но что было поделат, когда свой рассказ Андроников подкреплял демонстрацией на экране изображений подлинных рукописей и рисунков. Записать что-либо в зале, погруженном в темноту, не представлялось возможным. Из попытки писать «на ощупь», конечно, ничего не получилось — блокнот оказался испорченным вкрявь и вкось разбежавшимися, совершенно неразборчивыми строками. Корреспонденту «Вечерней Москвы» пришлось на следующий день обратиться за помощью к И. Л. Андроникову, просить его повторить хотя бы немного из того, о чем он повелал на вечере в писательском клубе.

— Сделать это будет трудно, — говорит Ираклий Луарсабович, — и не только потому, что мое выступление явилось в значительной мере импровизированным. Главное то, что мой рассказ был построен как комментарий к редчайшим экспонатам, которые Центральный государственный архив литературы и искусства позволил мне показать в этот вечер аудитории. Вот с разговора о ЦГАЛИ, о его несметных богатствах мы и начнем.

Он существует немногим более двадцати лет, этот архив, но уже превратился в одно из самых мощных архивных учреждений нашей страны. Основу фондов ЦГАЛИ составили рукописи, собранные в свое время Государственным литературным музеем. Остафьевский архив Вяземских, рукописи из Тре-

тьяковской галереи, Мурановский архив Баратынского и Тютчева, архив Малого театра и некоторые другие. В послевоенные годы туда стали поступать личные архивы современников наших — писателей, артистов, художников, композиторов, режиссеров.

Замечательно, когда документы, хранящиеся в разных фондах, начинают «отвечать» друг другу, утверждать неоспоримые истины. Вот, скажем, С. М. Эйзенштейн, сохранивший интересный архив В. Э. Мейерхольда, вспо-

мнит, чемодан, в котором хранились автографы, начиная от гетмана Мазепы и Суворова до Есенина и Серафимовича. Лев Толстой, Достоевский, Тургенев, Чехов, Горький, Гоголь, Лермонтов, Герцен, Белинский, Чернышевский, Некрасов, Добролюбов, Чайковский, Блок... Более 500 имен было заключено в чемодане. Автографы поступили на вечное хранение в ЦГАЛИ.

После рассказа по радио о том, как отыскались эти сокровища, как мне довелось искать в Астрахани остатки коллекции, я получил сотни писем, многие из них с указанием, где можно отыскать новые, еще неизвестные автографы замечательных людей нашей культуры, книги с авторскими надписями, нотные автографы, картины, рисунки выдающихся рус-

ских художников. Из этого родилась новая радиопередача — о собраниях культурных ценностей. И снова пошли отклики и подарки с просьбой передать в ЦГАЛИ фотографию, письмо или старую рукопись. Один из этих подарков я, если помните, показывал на вечере. Это фотография молодого Шалапина с надписью: «Талантливой потесне Текле Линген». Ее вручила мне в Ленинграде во время моего концерта в Большом зале филармонии М. Г. Оницанская. Все чаще обращаются в ЦГАЛИ те, кто может что-то сообщить, подарить, уступить... Множеством нитей связан Центральный архив с миром искусства и литературы и с теми, кто так или иначе соприкасается с советской культурой. А таких в нашей стране не тысячи, а миллионы.

В заключение хочу сказать о том, что в годы войны на вокзале пропал чемодан, принадлежавший дирижеру Александру Васильевичу Гауку. В чемодане находилась партитура тогда еще не исполненной Четвертой симфонии Шостаковича. По сохранившимся оркестровым партиям симфония была восстановлена, и в текущем сезоне ее впервые исполнил оркестр Московской филармонии под управлением Кирилла Кондрачина. Но тот экземпляр так и не найден. Полный «архивного оптимизма», я твердо верю, что партитура еще найдется когда-нибудь и поступит на хранение в ЦГАЛИ.

Вот, кажется, все, что можно уместить в интервью для газеты... Нет, еще несколько слов. В скором времени я думаю рассказать о сокровищах ЦГАЛИ по Центральному телевидению. Показывая рукописи, письма, рисунки и фотографии, я каждый раз твердо верю, что архив хранит не только наше великое прошлое, но это мы, какими будем представлять себе нас наши потомки. И в наших собственных интересах сделать решительно все, чтобы в архиве с наибольшей полнотой отразились наше великое время, наши дела, друзья-современники.

Я. ЧЕРНОВ.

РАССКАЗЫВАЕТ ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ

минает о том, как Мейерхольд, начинавший свой театральный путь на сцене МХАТа, стремился к новому сотрудничеству со Станиславским. «Было трогательно и патетично, — вспоминает Сергей Эйзенштейн, — наблюдать наступавшее сближение двух стариков».

Об этом же узнаем, разбирая архив Мейерхольда. Вот письмо одного из основателей Вахтанговского театра Б. Е. Захавы, датированное 1924 годом. «Несомненно, что перспектива работы с Вами увлекает Константина Сергеевича чрезвычайно, — сообщает Захава Мейерхольду. — Когда он говорит об этом, он весь оживает... Говорит о Вас с большим уважением и как бы даже с некоторой гордостью («ведь он все-таки мой ученик»)».

А в архиве Эйзенштейна — портрет его учителя — Мейерхольда. С надписью: «Горжусь учеником, уже ставшим мастером. Люблю мастера, создавшего школу. Этому ученику, этому мастеру — С. Эйзенштейну — мое поклонение». И, чувствуя свою кровную связь с великими традициями искусства, со Станиславским и Мейерхольдом, Эйзенштейн записывает: «Я... в некотором роде сын и внук этих ушедших поколений театра».

Великолены письмо А. П. Довженко, адресованное С. М. Эйзенштейну и Г. В. Александрову, и план неосуществленной музыкальной комедии Довженко о людях, перепутавших симфонии Чайковского и Шостаковича и бранящих Чайковского за... формализм. Кстати, в ЦГАЛИ хранится значительная часть рукописей самого Шостаковича, в том числе эскизы Седьмой — «Ленинградской» — симфонии.

Многое можно было бы рассказать интересного о советской литературе, театре, музыке и кино, обращаясь к современным фондам архива. Но с неменьшей энергией собирает ЦГАЛИ все то, что может пролить хоть какой-нибудь свет на историю нашей культуры. Мне уже приходилось рассказывать о том, как в Актюбинске отыскался чемодан рукописей, относившихся к коллекции А. Е. Бур-